

Память огненных лет

“Мы выполняли солдатскую работу...”

С войной Лев Федорович Малинин столкнулся тогда, когда молоденьким младшим лейтенантом после окончания второго московского пулеметного училища, эвакуированного в город Можугу Удмуртии, в апреле 1943 года следовал железнодорожным составом на фронт. Выдали им тогда продовольственный паек на пять дней — на пятерых банку американских сосисок, крупную муку. Ребята молодые, да еще наголодавшиеся, потому что в училище кормили плоховато, не выдерживали, и кто за раз, а кто за два дня, все съели. Ехали в тесных вагонах, которые в войну называли телятниками. У станции Касторная в Воронежской области состав стали бомбить немецкие самолеты. Благодаря умелым действиям машиниста, удалось уйти от сброшенной бомбы, солдаты же разбежались от вагонов кто куда. По убегающим людям один из немецких летчиков стрелял из пулемета. Лев Федорович вместе с другим Володей Дубровиным (надо заметить, что он и сегодня почти безошибочно называет

фамилии и имена своих командиров, сослуживцев, города, местечки, через которые прошли его военные дороги) свалились в глубокую воронку, но быстро выбрались из нее и вновь побежали к лесу. Только потом сообразили, что сидеть им там надо было до конца бомбежки, что только чудом остались живы. А потом снова по вагонам — и дальше поехали. На станции Валуйки снова попали под бомбежку, снова пришлось скрываться кто где может.

—Самое же обидное, — смеется Лев Федорович, — что мы с Володей перед бомбежкой сварили из муки завариху, правда, ни соли, ни сахара не было, но ничего, голод не тетка, приступили к еде. И тут визг падающих бомб. В вагоне оставаться очень страшно. Пришлось бежать, а потом снова по вагонам...

Боевое же крещение он получил под Прохоровкой, той самой Прохоровкой, где 12 июля 1943 года произошло крупнейшее в истории Великой Отечественной войны сражение, которое коренным образом изменило

ход войны. Участников тех боев называют героями. А как считает Лев Федорович?

—Да мы тогда никакого значения этому не придавали. Просто выполняли обычную солдатскую работу, а о том, что предстоят серьезные бои, только догадывались и готовились к ним. Жара стояла неимоверная. Постоянно хотелось пить. И я, как командир взвода, следил за тем, чтобы солдаты не пили воду из луж, хотя они все равно умудрялись это

делать. Сам же на всю жизнь запомнил вкус холодного молока из кринки, которым угостила меня простая русская женщина. Надо сказать, что жители сел, хоть и сами-то остались ни с чем, дома кругом были сожжены, разрушены бомбежками, всегда старались подкормить солдат, о чем я и сейчас без слез вспоминать не могу...

По прибытии на место службы в 40-ю армию Воронежского фронта пришлось Льву Федоровичу менять свою военную специальность, переучиваться на минометчика, а затем принять командование минометным взводом 50-миллиметровых минометов. Он до сих пор в мельчайших подробностях вспоминает 5 июля, когда немцы пошли в наступление.

После шквального артобстрела наших позиций в небе появились самолеты. Их было так много, словно птицы летели, не сосчитать, а потом пошли танки.

—Страшно было?

—Конечно, только дурак смерти не боится, — говорит Лев Федоро-

вич. — Но к этому времени я уже каждому снаряду не кланялся, а потом тоже научился определять по звуку, где упадет летящий вражеский снаряд, и это не раз спасало.

Военная выучка, умение правильно определяться в самых сложных ситуациях и потом не раз выручали. На месте боев под Прохоровкой были груды металла и перепаханная снарядами земля. И они, участники этих боев, потом удивлялись, что остались живы. Ведь временами немец был буквально в сотнях метрах и даже ближе.

Много потом было боев на фронтовом пути Льва Федоровича. Воронежский фронт передвигался к западным границам, а вместе с ним и его взвод, в котором тоже случались потери. Жалел своих солдат, говорит, что очень страшно, когда только что разговаривал с человеком, отошел от него буквально на несколько минут, а тут прямое попадание — и нет ни человека, ни миномета. Место героизму на фронте было всегда. Ведь так страшно подняться под шквальным огнем, к земле жмешься, она спасает. И вдруг в соседнем полку во весь рост поднимается командир и с криком “За Родину!” увлекает за собой не только своих солдат. Срезала его пуля, упал замертво, но уже не остановил поднявшихся...

7 августа Льва Федоровича ранило — пуля прошла навывлет, перебила кость ноги. Составляли ему составляли кости после ранения, но все равно срослись неправильно. Лечился по госпиталям в Свердловске, Улан-Удэ около восьми месяцев, но все равно раненая нога оказалась короче на пять сантиметров, стал Лев Федорович хромать. Потому и предложили ему продолжить службу в Забайкальском военном округе в запасном полку. Но он

(Окончание на 7 стр.)

“Мы выполняли солдатскую работу...”

(Оконч. Нач. на 3 стр.)

попросился на фронт. Так и оказался в Иркутском отдельном офицерском полку, а потом на фронте уже в Румынии.

—Бои здесь тоже очень сильные шли,—заметил он,—особенно помню первое и второе мая 1944 года. Убитых на бричках свозили к месту захоронения, казалось, что конца этим бричкам не будет...

В одном из таких боев был ранен командир роты, и Лев Федорович принял командование ею на себя. Осознания ответственности, которую брал, не было, просто понимал, что так надо. За тот бой был он удостоен ордена Красной Звезды и получил повышение в звании—стал лейтенантом.

Боев на фронтовых дорогах ветерана было очень много, так сложилось, что судьба забрасывала его, как бы мы сейчас сказали, в самые горячие точки. Напри-

мер, на направление Яско-Кишиневской группировки, где перед наступлением два с половиной часа по вражеским позициям били артиллерия, “катюши”, потом танки пошли, а потом уже все остальные. Земля здесь тоже в буквальном смысле слова была перепажана, а от немецких позиций ничего не осталось.

После этого, как заметил Лев Федорович, по Румынии уже пошли ходом. Участвовал он в боях за Плоешти, затем была Трансильвания, Венгрия. При взятии венгерского города Клуж он командовал огневым взводом 82-миллиметровых минометов. Видимо, неплохо проявил себя, раз был награжден еще одним орденом Красной Звезды. И здесь судьба хранила его. Как-то не захотел спать в окопе, решил уйти в сад неподалеку, так как стояли у селения. А через некоторое время в его окоп упал

вражеский снаряд, всех, кто там был, убило. Чехословакия, Австрия—это тоже места боев. 7 мая, когда уже все радовались Победе, он шел в наступление в австрийских Альпах.

—После Победы мне вновь довелось побывать в тех местах, где воевал, потому что возвращались в Советский Союз мы своим ходом. Помню, устанем за день, но как только большой населенный пункт, так сразу строй равняется, плечи распрямляются, идем чеканя шаг, под музыку, с песней. Местное население встречало нас по-доброму. Хорошее было время...

Лев Федорович задумчиво улыбается, опять вспоминает различные подробности возвращения домой. Путь его лежал теперь в Прикарпатский военный округ на станцию Хмельники. Из армии уходить не хотелось, мечтал продолжить военное образование. Но оказалось, что для учебы в военном училище он не пригоден по ранению. И обидно было, и смешно: на фронте был годен, а здесь—нет. Однако долго

не унывал, душа-то все равно рвалась домой, подумал тогда, а может и лучше так будет.

В мирной жизни в целом все складывалось неплохо, хотя трудностей тоже хватало. Однако все шло своим чередом. Разрешились сомнения Льва Федоровича по поводу работы. Многие годы он был старшим охотоведом района, а значит стоял на охране природы, просто охотоведом. Сложилась у него неплохая семья. Одним словом, и сегодня, несмотря на прожитые годы, на то, что и здоровье пошаливает, не унывает ветеран, по-прежнему любит общаться с природой.

...На фотографии военных лет Лев Федорович среди своих друзей. Фотографировались в Венгрии в 1944 году. Почти 60 лет прошло, а он говорит, что все было как будто вчера. И понять его можно. Хоть и была война в его жизни самым малым отрезком по времени, но вместила в себя очень и очень многое, чем он дорожит по сей день.

Н.Тимофеева.